

Из личных хроник Пандекраски Пампернеллы

Наконец-то! Пришло время и мне кое-что написать о себе. Ведь нет ничего ужаснее, чем героиня, которая вечно молчит. Ну разве что героиня, которую зовут Пандекраска Пампернелла и которая болтает без умолку.

Но я не такая.

Поскольку в последнее время я получила от вас много электронных писем с одним и тем же вопросом, отвечу на него прямо сейчас, чтобы вы успокоились. Я понятия не имею, откуда взялось моё имя. Королева говорит, что оно ей приснилось.

Король утверждает, что вычитал его в книге и ещё неделю учился выговаривать.

Кого-то зовут Петером или Люси, кого-то — Урсулой или Германом. Моё имя отражает мою суть: я девочка, которая знает, чего хочет.

Бывает, я спотыкаюсь.

Порой нетвёрдо стою на ногах.

Но в остальное время я уверенно шагаю по жизни.

В этом вся я.

И если вас удивило, что я взялась рассказывать эту историю, хотя и не собиралась, то объясняю: я записываю всё это, потому что с недавних пор в мою жизнь вторгся *злой рок*.

Иными словами, большая беда.

С тех пор я уже не шагаю вперёд так уверенно, а скорее бреду, немного шатаюсь. Моя крёстная говорит, что любое несчастье можно прогнать, если описать его словами. Поэтому я записываю то, что со мной произошло, в надежде остановить беду. Моя жизнь не должна подчиниться *злему року*. И чтобы этого не произошло, мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, поддержите меня. Если, прочитав книгу, вы найдёте какой-то выход, позвоните или напишите мне и расскажите, что бы сделали

на моём месте. Ведь скоро мне нужно будет принять решение, а я совершенно не представляю, как поступить.

Но сначала я расскажу, как обрела крёстную.

Во время моих крестин в соборе Святого Петра профессор Цаца Мосс сидела в седьмом ряду, едва не задыхаясь. В соборе в тот четверг были заняты все места до единого. Ещё на рассвете в очереди перед входом собралось более шестидесяти тысяч человек, и теперь они теснились на скамьях и табуретах. Люди прижимались к стенам и колоннам, обмахиваясь от духоты, и ожидали появления королевской четы. Повсюду были установлены экраны, телевизионные камеры снимали каждый уголок, а через динамики, будто ангельские голоса, разносились песнопения. Профессор плохо переносила шум. Она заткнула уши обрывками бумажных платочков и напоминала пациента стоматолога, который ждёт, когда же подействует анестезия.

Я ещё не знала, кто такая профессор Мосс.

Наконец в собор вошла королевская чета, которую гости встретили аплодисментами и радостными возгласами. Король сиял, на лице королевы

играла широкая улыбка, а я лежала у неё на руках и не понимала, с чего все так суетятся. Никто не объяснил мне, в чём смысл крестин, пришлось догадываться самой — и вся эта затея казалась мне глупой. Но разве я что-то смыслила? Мне было всего два, я ещё носила подгузники и до того момента не проронила ни слова. Я была словно бутылка с запечатанным горлышком. Тем не менее при виде меня половина присутствующих зарыдала, а другая принялась охать и ахать.

Я огляделась по сторонам.

Кроме профессора Мосс, не было никого, кто бы не перекрестился. Поэтому я сразу обратила на неё внимание. Она сидела в седьмом ряду с отсутствующим видом. Лоб её был нахмурен, из ушей, как сорняки, торчали обрывки платочков. Она единственная не стала выворачивать шею, когда Папа Римский поприветствовал королевскую чету и подошёл к алтарю. Гости успокоились. Музыка стихла. Собор Святого Петра погрузился в бархатную тишину, и Папа Римский приступил к делу.

Меня крестили.

Когда Папа Римский ухватил меня под мышки и поднял в воздух, словно трофей, толпа снова заволновалась. Все затопали, замахали руками.

В ту же минуту из углов выпустили белых голубей, и они взлетели к высоким сводам собора. Хлопанье крыльев походило на шум прибоя, и Папа громко рассмеялся — ни дать ни взять моряк в рясе, который радуется, что снова обрёл твёрдую почву под ногами. По крайней мере, таким я увидела его, глядя сверху вниз. Папа, судя по всему, не собирался меня опускать. Вскоре мне надоело висеть в воздухе. Я немного посучила ногами, громко всплакнула и стала искать, к кому бы обратиться за помощью.

И тут произошло вот что.

Профессор Мосс посмотрела мне прямо в глаза.
— Стоп!

Слово гулко, как пушечный выстрел, прокатилось по всему собору Святого Петра. Гости вздрогнули, а Папа Римский от неожиданности чуть меня не уронил. Несколько голубей в панике врезались в окно и дождём посыпались на толпу, но никого это не смутило — зрители не сводили глаз с женщины, что поднялась с церковной скамьи. Камеры тоже развернулись в её сторону, и на всех экранах высветилось изображение профессора Цацы Мосс, которая вытаскивала из ушей обрывки бумажных платочков.

Опишу вам профессора Мосс: ростом метр семьдесят девять сантиметров, она напоминала лиану, которую не перерубит даже мачете. Коротко подстриженные волосы едва прикрывали затылок. Одежду ей шила портниха в Ницце, обувь изготовил сапожник из Бремена, а духи она смешивала себе сама. Профессор Мосс была оригинальна с головы до пят и до того импозантна, что некоторые мужчины при виде неё съёживались на пару сантиметров.

К тому времени профессор Мосс уже достигла немало: в двадцать лет она получила Нобелевскую премию по астрофизике, в тридцать с небольшим строила деревни для беженцев и организовала революцию. Ещё не достигнув сорока, она писала книги о климатическом кризисе, экзотических ночных мотыльках и Великом шёлковом пути. Она прыгала с вертолётов без парашюта и дважды завтракала на вершине горы Эверест. Неугомонная, как колибри, она без усталости наслаждалась жизнью. Никто не смел говорить ей нет, и никто не смел ей указывать.

Конечно, были и исключения.

К примеру, профессор Мосс предпочла бы не ездить в Рим на мои крестины. Но флоринская

королева была её доброй подругой и настояла на этом.

Если бы профессор Мосс не поддавалась на уговоры, неизвестно, где бы сейчас была я.

Итак, во время крестин Цаца Мосс в дурном расположении духа сидела в седьмом ряду, хотя для неё приготовили место поближе. Она хотела переждать крестины и сразу же вернуться домой, не привлекая внимания. Но тут Папа Римский поднял меня в воздух, голуби взлетели ввысь, и госпожа профессор встретила взглядом со мной.

— Стоп! — снова крикнула она.

— Цаца, друг мой, — вмешалась королева, — что происходит?

— Я всё сделаю!

С этими словами профессор Мосс пробралась через ряд скамеек и зашагала сквозь толпу прямо к алтарю.

— Я сама всё сделаю! — повторила она.

— Что *именно* ты сделаешь? — спросил король. В его голосе звучало лёгкое волнение, ведь он терпеть не мог, когда что-то шло не по плану.

— Я буду крёстной ребёнка, — объявила Цаца Мосс.

По толпе пробежал шёпот. Все взгляды обратились к княгине Монако, которая стояла рядом с королевской четой и с потерянным видом теребила жемчужное ожерелье. Княгиня уже заметила, что к ней идёт профессор Мосс, и больше всего на свете хотела удрать. Но это было ниже её достоинства, поэтому она только пролепетала:

— Но... это же я... должна была... стать крёстной...

Шведский принц Микаэль, стоявший рядом с княгиней, тоже смог лишь промямлить:

— Да... а я должен был...

— Глупости! — перебила профессор Мосс, и оба замолкли. — Садитесь на места. Я всё беру на себя.

И хотя в её голосе слышалось удовлетворение, профессор Мосс была не вполне довольна своим выступлением.

— Дайте мне её! — сказала она, шагнув к Папе Римскому, который по-прежнему крепко держал меня, хоть наконец и опустил. Папа не собирался меня никому отдавать. Он отвернулся, чтобы профессор Мосс меня не достала.

— Даже не думайте, Цаца Мосс! — громко предупредил он. — Я Папа Римский!

И тут я закричала. Не потому, что мне что-то было нужно. Просто показалось, что настал момент и мне что-то предпринять. Кроме того, я хотела, чтобы профессор Мосс меня забрала. С первого взгляда я поняла: мы созданы друг для друга.

Цаца Мосс молниеносно отреагировала на плач, ведь она, как ни крути, была гениальна. Она сделала то, что позволено только гениям, — прыгнула вперёд и оттолкнула Папу в сторону, словно игрок в регби, который стремится заполучить мяч. Папа был готов ко многому, но такого явно не ожидал. Потеряв равновесие, он выпустил меня из рук. Профессор Мосс на это и рассчитывала. Мгновенно прикинув угол моего падения, она опустилась на одно колено и вытянула руки вперёд, так что я надёжно приземлилась в её объятия.

Я перестала плакать и заикала.

Гости затаили дыхание.

Профессор Мосс поднялась на ноги.

Мы смотрели друг на друга, и в моих глазах заиграли искорки. Зашевелив маленькими губами, я ясно и отчётливо произнесла первые слова в своей жизни:

— Ну наконец-то.

Толпа разразилась восторженными возгласами. Так профессор Мосс стала моей крёстной, а я — её крестницей.

После этого состоялся торжественный обед, на который были приглашены две тысячи избранных гостей. Они поздравляли королевскую чету, фотографировались с Папой Римским и выкладывали так много моих снимков, что по всему миру на некоторое время завис интернет.

Но я ничего этого не замечала. С тех пор как госпожа профессор поймала меня, я сидела, прижавшись к её груди, довольная, как никогда прежде.

Держа меня на руках, профессор Мосс переходила от стола к столу. Она нашёптывала мне, кто где сидит и кто о чём говорит. Это был мой первый урок, и нельзя было упустить ни одного её слова. Во время этого обхода я приняла решение произнести свою вторую фразу. Один коневод из Бразилии беседовал с коневодом из Нижней Саксонии, и прямо в разгаре их беседы я подняла голову и спросила:

— Почему у меня до сих пор нет лошади?

Будто устав от произнесённых слов, я закрыла глаза, снова приклонила голову к плечу профессора Мосс и уснула.

На следующее утро на королевском дворе стояли две лошади.

Первая — белая лузитанская — носила кличку Снежинка. Вторая — чёрный жеребец арабской чистокровной породы — была похожа на разлитую нефть, поэтому я назвала её Пятнышком.

После того как я закончила утренний туалет, а мои волосы уложили в причёску, я выскользнула на улицу, подтащила и поставила между лошадьми скамеечку, а затем забралась на неё. Одновременно потрепав по холке и Снежинку, и Пятнышко, я направилась к королевской чете. Как и каждое утро, она завтракала на террасе на первом этаже замка. Король намазывал масло на круассан, а королева потягивала лимонную воду и листала журнал. И тогда, в великолепном сиянии солнца, с видом на Флоринскую долину и под ржание лошадей вдалеке, я решила произнести свою третью фразу в жизни:

— А теперь я хочу, чтобы кто-то записывал всё, что я думаю и делаю. — Он может со мной не любезничать, но лучше пусть постарается. Хочу...

На этом я замолчала и нахмурила крошечный лобик, потому что никак не могла подобрать

подходящее слово. Напомню, мне было всего два года. Мой лексикон не отличался богатством. Потребовалось некоторое время. Королева терпеливо ждала. Король попросил слугу принести ему эспрессо, королева выловила из стакана лимонную косточку и завернула её в салфетку. И тут я вспомнила нужное слово.

— ...Личного биографа! — сказала я. — И побыстрее!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

